

УГЛУБЛЕННЫЙ в себя художник, то с томиком Лескова в руках, то с «Ревизором», то с пушкинским «Борисом», одержимый поиском того или иного образа, приходящий на репетиции первым, приносящий в них атмосферу праздника и, главное, единственно верное решение драматургического материала, — это Алексей Денисович Дикий.

Человек глубоко нелюбимый, не склонявший голову перед авторитетами, всходящий на трибуну порой лишь затем, чтобы «взорвать» мирно катящееся собрание, остроумец (его афоризмы и парадоксы до сих пор живут в актерской среде), задира, блистательный полемист — это тоже Дикий.

Наконец, человек доверчивый и простодушный, во многих вопросах ребячески наивный — это опять же Дикий, в данном качестве мало кому известный. Таков Дикий — огромный художник, в разные периоды разный, но всегда верный собственной проповеди, покоряюще честный, прямой, преданный искусству и своей Родине до самозабвения.

Где бы он ни появлялся, он сразу приковывал к себе внимание насмешливым острым взглядом, мощной фигурой, в которой ощущалась неумная физическая сила. Было в нем что-то медвежье и в то же время грациозное, как у спортсмена. Он был необихновенно артистичен, как бы специально создан для нашей профессии, обладал цепким взглядом, собственным видением жизни, явлений, событий. Был ненасытен в работе, жаден к встречам, впечатлениям. Он привязывался к талантливым, чем-то приворожившим его людям, приводил их к себе на репетиции, в театр, в студию. Он умел разглядеть, разгадать в человеке главное.

Творческая биография А. Д. Дикого начиналась в Московском Художественном театре. Он был влюблен в своих учителей — Константина Сергеевича Станиславского и Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Под их воздействием формировались его эстетические и философские взгляды, совершенствовалось актерское мастерство. Проведя под крылом МХАТа семнадцать лет, Алексей Денисович вбрал в себя все богатство психологической школы театра.

А. Д. Дикий был выдающимся артистом.

Я видел его казака Платова в «Блохе», Горлова во «Фронте», дьячка в чеховской «Ведьме», а также все его кинематографические работы. Прежде всего его создания были сугубо национальными, связанными с традициями русского искусства.

Образ Горлова, созданный А. Д. Диким, я считаю одним из самых крупных достижений актерского искусства в советском драматическом театре. Артист масштабно рассказал зрителям, как одаренный человек, боевой командир, герой гражданской войны, в свое время передовой, непомерно отстал, и жизнь его обогнала.

А. Д. Дикий, исходя из общего решения образа, умел находить образные, емкие детали. Я до сих пор помню, как Горлов любил свою нынешнюю кабинетно-телефонную жизнь: целый акт он привычно не выходил из-за стола и только в конце, с трудом разгибая затекшие ноги, вставал. Стол был его командным пунктом, его высотой, отсюда он отдавал распоряжения, руководствуясь лишь умозрительными заключениями, не зная жизни...

А. Д. Дикий, играя Горлова, в выводах своих оставался беспощаден, со всей очевидностью показывая, что Горлов так ничего и не понял — ни своих ошибок, ни крутых изменений, происшедших в жизни, однако образ Горлова несколько не превращался в карикатуру. Это был человек реальный, горячий, выхваченный из жизни, — человек не на своем месте. Дикий осудил не только Горлова, но и горловщину.

Совсем иным был чеховский дьячок Савелий Гыкин — жалкий, ничтожный, злобный, бестелесный. Куда девалась диковская физическая мощь! Это было чудо

разительного внутреннего и внешнего перевоплощения. Даже играя этого мелкого человека, Дикий эту «мелкость» возводил в степень масштабного обобщения.

Алексей Денисович сыграл множество ролей, все они были своеобразны, непохожи, но во всех пробивались могучая индивидуальность, национальная стихия, безупречное духовное здорье.

А. Д. Дикий поставил в разных театрах множество спектаклей, которые отличались яркой образностью, неожиданностью решения. В них сочетался вихревой мужицкий темперамент и точный математический расчет.

Алексей Денисович не уставал повторять, что в искусстве он ценит **меру, но не умеренность**, что в режиссуре нужны секунда во времени, вершок в пространстве. Неумная, буйная фантазия подсказывала ему множество красок, деталей, удивительных мизансцен, но он безжалостно отсекал лишнее, сле-

ко живет с нелюбимым, постылым мужем. Постановщица интересовала не психология греховной страсти, а история сильной женской души. Когда же эта неказистая пичужка полюбила, она расцвела, похорошела, в ее голосе появились грудные ноты. Она на все была готова ради открывшегося ей счастья любви. Спектакль «Леди Макбет Мценского уезда» в целом решался как народная трагедия, как трагедия обыкновенной русской женщины, готовой на все ради любви и все теряющей.

А. Д. Дикий был мастером острой, выразительной, образной формы, искал и создавал «говорящие» мизансцены, но все, что он делал, он делал для актера и через актера.

Алексей Денисович много занимался педагогической работой в ГИТИСе, в своей студии, которая называлась театрално-литературной мастерской. На его репетиции приходило много народа.

творческое наследие

ДЛЯ АКТЕРА, ЧЕРЕЗ АКТЕРА

дую своему собственному утверждению: если в механизм часов опустить даже бриллиант, часы останутся. Сцена не терпит ничего лишнего, ничего, что не подтверждает замысел, не работает на сверхзадачу. В искусстве **больше не значит лучше**. Лучше — это когда как раз.

А. Д. Дикий в своих выступлениях, статьях, в режиссерской практике отстаивал идею театра авторского. Он учил актеров и режиссеров отыскивать почерк, творческую манеру, отличающие одного автора от другого. Больше того, он считал, что для каждой пьесы одного и того же автора необходим свой ключ сценического решения, единственный в конкретно-историческое время. Остальные решения — «омычки». Ибо драматург в каждом своем произведении неповторим. Неповторимы колорит речи, стилистика, ритм, движение сюжета, юмор. Успеха добьется тот режиссер, который обнаружит это неповторимое!

И еще одно не утраченное силу положение А. Д. Дикого стоит напомнить сегодня. Как всегда, оно было у него сформулировано афористически: **неразгаданный автор — тягчайший грех режиссера!** Мне думается, что годы не зачеркнули, а лишь подтвердили множество примеров это положение, как и многие другие, высказанные А. Д. Диким.

Приступая к работе над новым спектаклем, он любил спрашивать: «Чем будем удивлять?»

Театр — диво, чудо, и в каждом спектакле это чудо должно присутствовать. Стоит подчеркнуть, что режиссера интересовало, **чем удивлять, а не как** (хотя формой спектакли Дикого всегда отличались один от другого и, конечно, от постановок других режиссеров).

Мне посчастливилось работать с Алексеем Денисовичем над ролью Сергея в спектакле «Леди Макбет Мценского уезда». В его трактовке Сергей — фигура не только великолепно-яркая, но главным образом страшная. И если говорить, кому в спектакле принадлежала роль уездной леди Макбет—инициатора и вдохновителя «душегубства», то это был, конечно, Сергей.

В этом спектакле он удивил решением образа Катерины Измайловой. Обычное представление о ней такое: роковая женщина, убийца, по актерскому амплуа — героиня, пыльная, дебелия красавица. Катерина, по замыслу режиссера, — забитая, невзрачная, веснушчатая пичужка. Дикий показывал Катерину как бы в дремотной одуре. Ей тоскливо и одино-

Среди гостей мы, студийцы, часто видели В. Качалова, Л. Волкова, В. Массалитинову, С. Межневского, Вс. Вишневского, М. Светлова, Н. Асеева, В. Катаева, А. Файко, А. Толстого, Д. Ведного. Репетиции проходили насыщенно, он умел всех вовлечь в творческий процесс. Дикий знал силу контрастов, мастерски владел светотенью, придающей многоплановость, объемность образам и спектаклю.

В Ленинградском Большом драматическом театре я репетировал роль Князя в «Русалке» А. С. Пушкина. Ничего у меня не вышло в сцене прощания с Наташей. Молодой, начинающий артист, я замучился с труднейшим монологом Князя.

Пришел Алексей Денисович, посмотрел, потом предложил лишь один жест, интонацию, смысл которых заключался в том, что Князь вынужден не по своей воле, а по высшим каким-то соображениям решиться на это якобы тяжелое для него расставание. И я сразу как-то повзрослел лет на десять, почувствовал себя настоящим мужчиной, ощутил весомость, значительность, опытность. Сцена, как говорится, пошла.

Да, А. Д. Дикий умел подсказывать актеру «необходимое», которое потом органически прорастало нужным жестом, ритмом, состоянием, душевным настроением.

Дикий-педагог мечтал о воспитании актера-мыслителя, хорошо знающего литературу, понимающего стилистические особенности каждого драматурга, понимающего принцип контрастов, принцип диалектического раскрытия характеров, вбирающего в себя самые противоречивые черты и в то же время единого в этих противоречиях.

Многое открытое А. Д. Диким в режиссуре, в актерском мастерстве продолжает до сего дня жить, развиваться и кровь советского театра.

Последние два года жизни Алексей Денисович был тяжело болен. Но болезнь не сломила его могучего творческого духа. Он продолжал трудиться. Прикованный к постели, встречался с людьми, мечтал о новых спектаклях. В день смерти А. Д. Дикого был опубликован его режиссерский план народной трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». Эта работа поражает смелостью, свежестью, неожиданностью решений, неиссякаемой творческой молодостью. И она еще раз заставляет думать о мощи таланта яркого советского художника Алексея Денисовича Дикого.

С. МЕНГЛЕТ,
народный артист СССР.